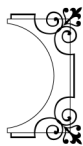

ДВЕРЬ СИРА ДЕ МАЛЕТРУА

Дени де Болье не минуло еще двадцати двух лет от роду, но он считал себя вполне взрослым и совершенным кавалером. В те грубые, воинственные времена мужчины рано развивались. Если юноша участвовал хотя бы в одном правильном сражении или в десятке набегов и успел кого-нибудь убить приличным образом, если при этом он мог поговорить о военном искусстве и усвоил обычные манеры людей своего круга, то его и взаправду считали «совершенным кавалером» и легко прощали невинное фанфаронство — стремление казаться старше своих лет.

Дени с должной заботливостью поставил свою лошадь в конюшню гостиницы, с должной солидностью поужинал, а затем в отличном расположении духа отправился в гости. Это было не особенно благоразумно. Лучше было дожидаться утра, так как город занимали английские и бургундские союзные войска, и хотя у Дени в кармане был пропуск для ходьбы вечером по улицам, но это была не очень надежная защита при возможных случайных столкновениях в городе, объявленном на военном положении.

Дело происходило в сентябре 1429 года. Погода стояла отвратительная. Порывистый, бешеный ветер с дождем крутил опавшие с деревьев аллеи листья. Кое-где в окнах виднелся свет; временами до слуха Дени доносились и быстро умолкали крики и гульба веселившихся после ужина солдат. Быстро наступала ночь. Английский флаг, развевающийся на вершине высокого шпиля, побледнел на фоне бегущих облаков, уносимых ветром, и превратился в темное пятно, похожее на провал в бурном, свинцово-сером хаосе неба.

Дени де Болье шел быстро и вскоре уже стучал в двери дома, где жил его друг. Но, хотя он и обещал самому себе пробыть недолго и рано вернуться домой, его встретили так радушно и самому ему было так весело, что давно уже прошла полночь, когда он попрощался на пороге со своим приятелем. За это время ветер стих, но на улице было темно, как в могиле, из-за густых туч не видно было ни звезд, ни луны. Дени был плохо знаком с запутанными переулками Шато-Ландона; даже днем он затруднился бы в выборе между ними, а теперь, при совершенной темноте, он вскоре совсем потерял дорогу. Он знал только одно — надо подняться на холм, так как дом его друга находился на нижнем конце города, а гостиница Дени стояла наверху, у церкви. Руководствуясь одним этим указанием, он подвигался точно ощупью и вскоре вышел на открытое место, где над головой виднелся уже порядочный кусок неба. Жуткое и неприятное положение — очутиться в полной темноте в почти незнакомом городе!

Прикосновение руки к холодным оконным переплетам заставляет человека вздрагивать, как от прикосновения жабы; от неровностей мостовой он то и дело спотыкается; в наиболее темных местах ему угрожают

неровности и ямы; и чем яснее воздух, тем более странный, непонятный вид принимают дома и отклоняют путника от верного пути. Дени все это на себе испытал. Но надо было скорее добраться до гостиницы — только там можно было считать себя в безопасности, — и потому он шел как можно быстрее, но осторожно, останавливаясь на каждом углу, чтобы рассмотреть дорогу.

Некоторое время он шел по такому узкому переулку, что мог прикоснуться руками к противоположным стенам. Затем переулок круто обрывался вниз. Было ясно, что эта дорога не вела к его гостинице, но надежда на лучшее освещение побудила его пойти вперед на разведку. Переулок оканчивался террасой со сторожевой башней, в которой было отверстие. Через это отверстие, как сквозь амбразуру, можно было различить далеко внизу долину под городом, а в ней темную аллею, сквозь которую светлым пятном виднелась полоса реки, протекавшей здесь через шлюзы. Небо несколько прояснилось, нависшие тучи уже заметно отделялись от черных вершин окрестных холмов.

Оглянувшись на террасу, Дени смог рассмотреть, что ближайший дом отличается необычайной архитектурой. Прежде всего его поразил слабый свет наверху, точно из многих отверстий. Вглядевшись, Дени различил, что этот свет исходит из замысловатой сети фигурных оконцев круглой часовни, но сама часовня словно висит в воздухе. Он не сразу рассмотрел, что ее поддерживает ряд других откосов, отходящих от массивной стены дома. Этот слабый свет еще резче оттенял черноту остроконечной крыши и нескольких примыкавших к ней башенок. Затем Дени увидел и большой глубокий портик, украшенный изваяниями, а над ним — два каменных чудовища, скрывавшие в своих пастьях концы

длинных водосточных труб. Дени решил, что это городское жилище какого-нибудь знатного сеньора, вспомнил вдруг свой дом в Бурже и еще некоторое время постоял здесь, мысленно сравнивая архитектуру обоих домов, богатство и знатность их обитателей.

Надо было подумать о дальнейшей дороге. От террасы, казалось, был лишь один выход — тот самый переулочек, который привел его сюда. Оставалось только подняться по нему обратно. Дени это не смутило: он теперь знал, что находится высоко на горе и потому недалеко от главной улицы, где стояла его гостиница. Дени быстро двинулся по переулку, но не успел пройти сотню-другую шагов, как увидел факелы спускающегося патруля и услышал громкие голоса солдат. Дени приостановился и с тревогой заметил, что солдаты пьяны. «С ними и пропуск не поможет — могут убить прямо как собаку, и basta!» — подумал Дени. Он решил потихоньку удалиться.

К несчастью, когда он быстро обернулся, чтобы побежать назад, то споткнулся о камень и упал, не сдержав легкого крика, а его шпага громко зазвенела, ударившись о камни мостовой. Два или три солдата крикнули по-французски и по-английски: «Кто там?» Дени не ответил и быстро побежал вниз по переулку. На террасе он приостановился, чтобы осмотреться. Солдаты уже бросились в погоню, громко бряцая оружием и направляя факелы во все темные уголки.

Дени огляделся кругом и бросился в портик того дома, которым перед тем любовался. Там его могли совсем не заметить, и, во всяком случае, это была позиция сравнительно очень выгодная для ведения переговоров или самозащиты. Думая так, он вынул шпагу и прислонился к двери. К его удивлению, дверь поддалась под давлением его спины, и, хотя он в тот же момент

отскочил, продолжала открываться на бесшумных, смазанных маслом петлях, пока не открылась полностью. За дверью было совершенно темно. Когда обстоятельства благоприятствуют заинтересованному человеку, он не особенно расположен критически разбирать, как и почему это произошло, — его собственное личное удобство кажется достаточным объяснением наиболее странных и неожиданных перемен в подлунном мире. Поэтому Дени, ни секунды не раздумывая, вошел внутрь и притворил за собой дверь, чтобы обеспечить себе убежище. Ему не приходило в голову закрыть ее совершенно, но по какой-то необъяснимой причине, — может быть, благодаря пружине или скрытой гире — тяжелая масса дубового дерева выскользнула из его рук и захлопнулась с сильным стуком.

В этот самый момент патруль уже подошел к террасе, продолжая окликать беглеца с угрозами и ругательствами. Дени слышал, как солдаты разыскивали его во всех закоулках террасы; они подошли даже к двери, за которой стоял Дени, и несколько раз ткнули в нее мечами. К счастью, весь патруль был слишком навеселе, чтобы довести поиски до конца. Они удалились, и скоро совершенно умолкли пьяные крики и бряцание оружия.

Дени вздохнул свободно. Для безопасности он подождал еще несколько минут, а затем стал ощупывать дверь, чтобы открыть ее и снова выйти на террасу. Внутренняя сторона двери оказалась совершенно гладкой: не было ни ручки, ни украшений, ни выступов. Он запустил ногти в края двери и потянул ее к себе, но она не поддавалась. Он попробовал ее потрясти, но она оказалась крепкой, как скала. Дени де Болье нахмурился и тихонько присвистнул. «Что с дверью? — удивлялся он. — Каким образом она открывалась?» Как могла

она так легко и крепко закрыться за ним? В этом было что-то темное и таинственное, что не очень нравилось молодому человеку. Все это было похоже на западню, но кто мог предполагать западню в таком спокойном и великолепном доме, благородном даже по внешности? И, однако, западня это или не западня, намеренная или ненамеренная, а он был отличнейшим образом пойман — на улицу не было никакого выхода. Темнота начала давить его. Дени стал прислушиваться: сначала все вокруг казалось тихо, но вдруг где-то недалеко послышался точно слабый вздох, тихое рыдание, а затем — осторожный скрип, как будто поблизости скрывались люди, старавшиеся не производить никакого шума. Все существо Дени потрясла мысль об опасности, и он повернулся лицом по направлению подозрительных звуков. Тогда в первый раз он увидел внутри дома, на некоторой высоте, полоску света, которая, казалось, выходила через щель между двумя половинками какой-то портьеры. Видеть свет было уже облегчением для Дени; он почувствовал что-то вроде того, что испытывает человек, который долго не мог выбраться из болота и вдруг нащупывает ногой твердую почву.

Он стоял и пристально глядел на полоску света, стараясь связать воедино некоторые логические соображения относительно всего его окружающего. Очевидно, что к двери, из которой шел свет, вели ступеньки. Он увидел и другую полоску света, тонкую, как игла, и слабую, как фосфорический отблеск, которая точно скользила по полированному дереву перил. С тех пор как ему пришло в голову, что он не один, сердце его забило с необыкновенной силой, и непреодолимое желание что-либо предпринять всецело овладело им. Ему казалось, что он находится в смертельной опасности. Что

же могло быть естественнее, чем подняться по ступенькам, отодвинуть портьеру и сразу пойти навстречу всем неприятностям? Во всяком случае, он должен узнать что-нибудь, а кроме того, он не будет больше в темноте. Дени тихонько зашагал вперед с протянутыми руками, пока ноги его не коснулись ступенек; затем он быстро поднялся по лестнице, остановился на мгновение, чтобы собраться с духом, и, с силой раздвинув портьеру, вошел.

Он очутился в очень большой комнате с облицовкой из камня. В трех стенах было по двери, а в четвертой — два больших окна, между которыми находился камин, украшенный резьбой и гербами рода де Малетруа.

Дени узнал гербы и был доволен, что очутился в таком хорошем доме. Комната была ярко освещена, но в ней почти не было мебели, кроме массивного стола и двух кресел. Камин не топился. Пол был устлан камышом, очевидно, очень старым.

На высоком кресле около камина, как раз лицом к Дени, сидел маленький старый джентльмен, закутанный в меховую накидку. Он сидел со скрещенными ногами и сложенными на груди руками; кружка с пряным вином стояла около него на полочке у стены. Лицо его носило выражение мужества и силы — но какой-то нечеловеческой силы. Скорее это было выражение, какое мы встречаем у быка, козла или борова: двусмысленное и льстивое, алчное, свирепое и опасное. Верхняя губа его была очень толста, точно распухла от удара или зубной боли; улыбка, остроконечные брови и маленькие острые глаза имели странное, какое-то комически-неприятное выражение. Красивые седые волосы обрамляли все лицо, как у святого, и одной густой прядью ниспадали на воротник. Борода и усы могли служить образцом старческой

красоты. Однако возраст — быть может, вследствие особенных предосторожностей и тщательного ухода — нисколько не отразился на его руках, которые выделялись своей красотой. Было бы трудно себе представить, не видя его, это сочетание чего-то плотского и деликатного в форме его рук: заостренные пальцы напоминали пальцы женщин Леонардо да Винчи. Ногти были вполне совершенной формы и отличались мертвенной, поразительной белизной. Вид старика казался тем более страшным, что такие руки подходили бы к деве-мученице, сложившей их на своей груди, но представляли слишком сильный контраст с жестким, прямо страшным выражением лица этого человека. Он же, точно языческий бог или его изваяние, сидел неподвижно на стуле, с глубокой иронией и коварством во взгляде.

Таков был Алэн, сир де Малетруа.

Дени и он молча смотрели друг на друга в течение нескольких секунд.

— Прошу, войдите, — сказал сир де Малетруа, — я ждал вас весь вечер.

Он не встал, но слова его сопровождались улыбкой и легким, но вежливым кивком. Отчасти вследствие этой улыбки, отчасти вследствие какого-то странного мелодического рокота, который слышался в голосе сира де Малетруа, Дени до мозга костей пронизало острое чувство отвращения к старику. Благодаря этому и понятному смущению он едва смог найти несколько слов для ответа.

— Боюсь, — сказал он, — что произошло двойное недоразумение. Я не тот, кого вы ожидали. Кажется, вы ожидали гостя; что же касается меня, то в мои намерения не входило и не могло входить совершение подобного вторжения.

— Ну-ну, — ответил старик снисходительно, — вы здесь, а это главное. Садитесь, друг мой, и располагайтесь, как вам удобнее. Теперь мы потолкуем о нашем маленьком деле.

Дени видел, что положение еще более осложняется благодаря продолжающемуся недоразумению, и поспешил со своими объяснениями.

— Ваша дверь... — начал он.

— Вы говорите о моей двери? — спросил хозяин, поднимая свои остrokонечные брови. — О, это мое маленькое изобретение! — Он пожал плечами. — Широкое гостеприимство... По вашим словам, вы не имели ни малейшего желания познакомиться со мной. Что ж, старикам приходится мириться с антипатией к ним. Только когда антипатия эта затрагивает нашу честь, мы придумываем способ победить ее. Вы явились без приглашения, но, поверьте, будете желанным гостем.

— Вы продолжаете заблуждаться, мессир, — сказал Дени. — Между нами не может быть ничего общего. Я совершенно чужой человек в этих краях. Мое имя Дени, я сын покойного де Болье. Если вы видите меня в своем доме, то только...

— Мой молодой друг, — перебил старик, — позвольте мне иметь на этот счет собственное мнение. Может быть, оно в настоящий момент отличается от вашего, — и он искоса взглянул на молодого человека, — но время покажет, кто из нас был прав.

Дени пришел к заключению, что имеет дело с помешанным. Пожав плечами, он уселся, чтобы терпеливо ждать развязки. Наступила пауза, во время которой Дени показалось, что он различает быстрый шепот, похожий на чтение молитвы, и что шепот доносится из-за

портьеры как раз напротив него. Иногда ему слышался один голос, иногда два; сильный, низкий голос, казалось, свидетельствовал то о подъеме, то об упадке духа молящегося. Он подумал, что портьера закрывает вход в часовню, которую заметил снаружи.

Старик все это время с улыбкой рассматривал Дени с головы до ног, по временам издавая легкий звук, похожий на щебетание птицы или писк мыши и выражавший, должно быть, высокую степень удовольствия.

Положение стало вскоре невыносимым для Дени, и, чтобы прекратить его, он вежливо заметил, что ветер утих.

Со стариком сделался припадок молчаливого смеха, настолько сильный и продолжительный, что лицо его стало совсем красным.

Дени вскочил и с решительным жестом надел шляпу.

— Сир, — сказал он, — если вы в твердом уме, то жестоко оскорбляете меня. Если вы не в здравом уме, то я мог бы с большей пользой употребить свои умственные способности, чем на беседу с сумасшедшим. Теперь я ясно понимаю, в чем дело. Вы с первой же минуты заставили меня играть роль дурака; вы отказались выслушать мои объяснения, но нет такой власти под небом, которая заставила бы меня оставаться здесь дольше! Если я не могу уйти отсюда более пристойным образом, я шпагой в куски изрублю вашу дверь!

Сир де Малетруа протянул правую руку и пошевелил пальцами.

— Дорогой племянник, — сказал он, — успокойтесь и садитесь!

— «Племянник»?! — вскричал Дени. — Вы это солгали! — И он вызывающе щелкнул пальцами по направлению к старику.

— Садитесь же, негодяй! — закричал вдруг старик неожиданно громким голосом, грубым, как собачий лай. — Не воображаете ли вы, — продолжал он, — что, устроив приспособление, чтобы за вами захлопнулась дверь, я на этом и покончил? Если вы предпочитаете быть связанным по рукам и ногам, пока не затрещат у вас кости, вставайте и попробуйте выйти отсюда. Если предпочитаете остаться свободным молодым человеком, любезно беседующим со старым джентльменом, тогда сидите спокойно, и да сохранит вас Бог!

— Вы хотите сказать, что я в плену? — спросил Дени.

— Я только устанавливаю факты, — ответил собеседник, — а вам предоставляю делать заключения.

Дени снова сел. По внешности он казался спокойным, но внутри у него все то кипело гневом, то холодело от страха. Он уже не думал, что имеет дело с сумасшедшим. Но если старик здоров, то что ему от него нужно, ради Создателя? Какое нелепое и трагическое происшествие! Как ему держаться?

Пока он предавался неприятным размышлениям, портьера, закрывавшая дверь в часовню, откинулась, и оттуда вышел высокий человек в облачении священника и, бросив испытующий взгляд на Дени, сказал что-то шепотом старику.

— Она в лучшем расположении? — спросил тот.

— Более уступчива, мессир, — ответил священник.

— Ну, теперь да поможет ей Бог! — сказал старик и презрительно засмеялся. — Ей трудно угодить, — продолжал он. — Юноша приятный, не низкого происхо-